Научная статья

УДК 811.161.1'25:811.581

ББК 81.411.2-7

Л 55

doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-64-71

**Особенности передачи игры слов при переводе
художественного текста с русского языка на
китайский (на примере романа В. Пелевина
“Generation “П”)
(Рецензирована)**

Ли Цзин¹, Т. Н. Бурукина²

^{1,2}Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

¹Lijing730@yahoo.com

²t.burukina@mail.ru

Аннотация.

Исследуются особенности перевода языковой игры русскоязычных произведений на китайский язык. Цель работы заключается в выявлении основных подходов к переводу игры слов в «классическом» современном романе В. Пелевина «Generation “П”» на китайский язык. Анализируемый материал представлен примерами из романа и его перевода, определяющиеся поэтикой различных названий; звучанием слоганов; обращением к текстам знаковых песен; обыгрыванием английской графики, английских выражений в русском культурном контексте; «обращенностью» к классике, ее крылатым выражениям. На основе проведенного анализа было установлено, что особенности передачи игры слов при переводе художественного текста с русского языка на китайский обусловлены целым рядом переводческих приемов и методов (в т.ч. замены, добавления и пр.), позволяющих представить «игровую» постмодернистскую эстетику, построенную по принципам интертекста. Материалы исследования могут служить основой для разработки переводческих соответствий в языковой паре русский-китайский.

Ключевые слова:

языковая игра, интертекст, постмодернистский контекст, перевод на китайский язык.

Original Research Paper

**Peculiarities of translation of words play from
Russian into Chinese (on the example of V. Pelevin's
novel “Generation “P”)**

Li Jing¹, T.N. Burukina²

^{1,2}Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia

¹Lijing730@yahoo.com

²t.burukina@mail.ru

Abstract:

The article dwells upon the features of the translation of the language game from Russian into Chinese. The purpose of this work is to identify the main approaches to the translation of wordplay in the “classic” postmodern novel by V. Pelevin “Generation “P” into Chinese. Examples from the novel and its translation, determined by the poetics of various names, were used as the analyzed material; sounding slogans; referring to the texts of iconic songs; playing with English graphics, English expressions in the Russian cultural context; “appeal” to the classics, its catchphrases. Based on the analysis, it was found that the peculiarities of the transfer of wordplay when translating a literary text from Russian into Chinese are due to a number of translation techniques and methods (including replacements, additions, etc.) that allow us to present “playful” postmodern aesthetics which are built on the principles of intertext. Research materials can serve as a basis for the development of translation equivalents in the Russian-Chinese language pair.

Keywords:

Language game, intertext, postmodern context, translation into Chinese.

Российско-китайские связи становятся все более актуальными, в том числе в области культуры: «культурные» русские произведения адаптируются на китайской почве, причем чем современнее произведение, тем большее значения имеют связанные с ним ассоциативные ряды, культурный контекст, разного рода «семантическая игра» [1: 149]. В частности, актуально исследование перевода языковой игры русскоязычных произведений на китайский язык. В силу больших различий не только языковых систем, но и культурного контекста (восприятию которого в Китае помогают тенденции глобализации и давние связи с Россией) перевод игры слов, безусловно, сопряжен в данном случае с определенными трудностями.

Исследованию указанной проблематики уделяется внимание в связи не только с глобализацией, но и с серьезной социальной ориентацией науки Китайской Народной Республики [2], и поэтому важно ознакомиться с глубокими и достаточно интересными традициями российских лингвистических, филологических, культурологических исследований [3: 46]. В частности, можно привести работы Е.Ф. Болдаревой [4], Е.А. Будник [5], К.А. Гудий [6], А.П. Колосовой [7], К.В. Кулеминой [8], Р.М. Султановой [9], У Лижу [10] и др., которые показывают развитие

русской и китайской лингвистических школ в направлении детализации исследований, соответствия современным реалиям, в том числе художественным, в направлении филологического, лингвистического, психолингвистического и культурологического аспектов.

Цель данного исследования заключается в выявлении основных подходов к переводу игры слов в «классическом» современном романе В. Пелевина «Generation “P”» [11] на китайский язык. Отбор примеров осуществлялся по принципу их разнохарактерности, разнообразия: это и поэтика разного рода названий; и звучание слоганов, столь распространенных на современном этапе, что находит свое выражение в литературных произведениях; и понятное обращение к текстам знаковых песен, и обыгрывание английской графики, английских выражений в русском культурном контексте; и «обращенность» к классике, ее крылатым выражениям. Следует отметить, что широта и разнообразие самого характера примеров, безусловно, связана с эстетикой постмодернизма как произведений интертекста.

Поскольку китайцы, как и любые иные субъекты восприятия языковой картины мира, способны воспринимать интертекст, российскую и иную социальную

действительность, языковую игру, то ясно, что игру слов в произведении В. Пелевина они в принципе понять могут – так же, как китайские переводчики могут донести, несмотря на сложности, особенности стиля современного русскоязычного автора. Это, в частности, зависит от этнокультурных особенностей переводчика и иноязычных читателей, от степени их интегрированности в современном мире, степени открытости иным культурам. Рассмотрим на наглядных примерах специфику перевода игры слов современной русской прозы на китайский язык.

С учетом широкого постмодернистского контекста языковой игры В. Пелевина имеет смысл обратиться к понятию игры как таковой, которому уделяют достаточное внимание на современном этапе. Например, как отмечает И.В. Цикушева, игру следует рассматривать как некий символ, как модель особого поведения и нестандартного отношения к происходящему; при этом термин «игра» обозначает различные, зачастую мало схожие между собой явления, изучающиеся в психологии, педагогике и – даже – в физиологии [12: 170]. Игра определяется как действие, протекающее в определенных границах времени, пространства и смысла, по добровольно принятым правилам, вне сферы полезности или необходимости, и это действие приводит к радости и нередко вызывает смех. Частным видом игры, проявляющейся в речевой деятельности, выступает языковая игра. В отличие от других видов игры, ее содержанием является закодированная, вербально выраженная информация.

Впервые выражение «языковая игра» в научном контексте употребил Л. Витгенштейн, давший ему определение как особому способу манипулирования языком, состоящего «из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [13: 231]. Если понимать языковую игру более узко – в частности, именно как игру слов и их значений – то следует

говорить о понятии каламбура как о понятии обыгрывания различных значений одного слова, либо значений разных слов (словосочетаний) при их сходном звучании. Так, выделяется три способа передачи игры слов (каламбуров) с русского на китайский в художественных произведениях [10: 95]: *вольный перевод, замена, добавление*.

Если говорить о различных названиях в рассматриваемом произведении В. Пелевина, которые обыгрываются посредством игры слов, то, прежде всего, следует обратить внимание на само название романа «*Generation “П”*», переведенное на китайский как

«百事一代» [14] способом замены (дословно: ‘Поколение Пепси’). Интересно, что в данном случае игра слов русского автора, выходящая за рамки каламбура, привлекает англоязычные слова, при этом не «проговаривая до конца» слово «пепси», что и дает своеобразную выразительность (особенно в соотнесении с содержанием текста в целом). Для китайского языка замена здесь является наиболее оптимальным методом, при этом следует признать, что важный культурный момент перехода «русский-английский-сокращение» оказывается напрямую недоступным, что следует компенсировать общей подачей переводимого текста, опорой на различные культурные реалии.

Так, например, название российских сигарет «Парламент» автор романа обыгрывает через «авторский слоган», использованный в следующем фрагменте: *ПАР КОСТЕЙ НЕ ЛАМЕНТ. Когда «Парламент» закончился, Татарский захотел курить* [11: 38], юмористически соотносящий русскую поговорку с английским по происхождению словом (налицо соотнесение сходного звучания выражений, использования звуковой семантики иноязычного по происхождению слова – для противопоставления российских и иных реалий). На китайский язык

данный фрагмент был переведен следующим образом: «尸骨的热气不会抱怨。弄完“会议”之后，塔塔尔斯基想抽口烟» [15: 37] (дословно: 'На тепло кости не жалуются. Закончив "встречу", Татарский захотел выкурить сигарету'). Как видно, сам слоган переведен методом замены (причем, минуя собственно языковую игру; с использованием необходимой в данном случае эмоционально-образной подачи значения [15: 122]), при этом дальнейший текст и контекст должны помочь переводу, поэтому используется вольный перевод слова «Парламент».

Следующий пример, также связанный с образом слогана и с названием указанной марки сигарет, включает, помимо прочего, прямую отсылку к классическому русскому литературному произведению: «Слоган – цитата из Грибоедова: И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН. ПАРЛАМЕНТ» [11: 64]. С учетом широкого постмодернистского контекста, включающего коллаж, замещающий так называемый Белый дом в Москве, возле которого в октябре 1993 г., как напоминает автор, стояли танки, изображением пачки сигарет в окружении пальм, становится ясно, что создатель текста снова традиционно для эстетики времени создания романа своеобразно противопоставляет российское и зарубежное [16]. Прямое цитирование облегчает восприятие, выводя языковую игру за рамки каламбура и далее. Думается, что на китайский язык такой «прямой» юмор перевести легче: «广告词是引自格里鲍耶夫斯基作品的一句话: 祖国的炊烟也让我们感到甜蜜和愉快 议会牌香烟» [14: 64] (дословно: 'Объявление цитата из произведения Грибоедова: Дым Родины также заставляет нас чувствовать себя сладкими и счастливыми. Совет брендовых сигарет'). В переводе отрывка применяется метод замены опять с использованием эмоционально-образной подачи значения; в переводе названия бренда использовано добавление.

Пример, объединяющий слоган, знаменитый классический фрагмент текста Ф.И. Тютчева (также с патриотическим значением) и брендовое название, в романе В. Пелевина представлен так: *Татарский опустил взгляд чуть ниже и прочел слоган: UMOM ROSSIJU NYE PONYAN, V ROSSIJU MOJUO TOLKO VYERIT. «SMIRNOFF»* [11: 85]. Разумеется, бросается в глаза английская графика глубоко русского афоризма. На китайский язык данный фрагмент переводится следующим образом: «塔塔尔斯基将目光稍稍放低些，读到了这样一句话：用理智无法理解俄罗斯，俄罗斯只能被人信仰。“斯米尔诺夫”» [14: 86] (дословно: 'Татарский немного опустил глаза и прочел такую фразу: «Я не могу понять Россию разумом, в Россию можно только верить. «Смирнов»'). Используется метод замены, при этом следует отметить, что бренд «Смирнов» гораздо известнее «Парламента», вероятно, поэтому он здесь оставлен без изменений и добавлений. Здесь так же, как и в некоторых других рассмотренных случаях, замена происходит, минуя английские элементы.

Другой пример связан с эстетикой слогана, устойчивого русского выражения (поговорки) и знакового западного названия «Кока-кола» (противопоставленного также известному иностранному названию «Спрайт»): *ПУСТЬ НЕТУ НИ КОЛА И НИ ДВОРА. СПРАЙТ. НЕ-КОЛА ДЛЯ НИКОЛЫ* [11: 37]. Во фрагменте фигурируют различные по смыслу выражения, похожие по звучанию, что делает применимым понятие каламбура. На китайский язык данная игра слов переведена так: «就让我们一贫如洗 雪碧。尼科拉喝的非可乐» [14: 5] (дословно: 'И оставь нас нищими. Спрайт. Никола пил не Кока-Колу'). В данном случае применяется метод вольного перевода, оказавшийся в целом достаточно эффективным, однако без передачи определенной фоносемантики и национального колорита (и, соответственно, определенного смысла

противопоставления). Ясно, что перевод контекста, в том числе с чисто культурной точки зрения, должен был взять на себя компенсирующую роль.

Кроме того, следует выделить еще один пример, связанный с Кока-колой (кстати, весьма популярной в Китае): *...кока-колготки, кока-колбаски, кока-колымские рассказы (нанять команду писателей)* [11: 185], обыгрывающий похожее звучание элементов слов. На китайский это было переведено так: «可口长袜, 可口香肠, 可口科累马故事 (雇佣一帮作家)» [14: 196] (дословно: 'Вкусные чулки, вкусные колбасы, вкусная Колымская история (наймите кучу писателей)'). Фонетический аспект вновь закономерно не был отражен, при этом лексический (прочно связанный в данном случае с фонетическим), в принимающем языке также подвергается семантическому преобразованию. Заметим, что знаковое для России антитоталитарное произведение «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова для Китая знаковым не является, так что каламбур, вероятно, не был бы понят глубоко в принципе. Соответственно, при переводе использовался прием добавления.

Поэтика названий проявила себя и в другом примере – речь идет об «авторском» названии, обыгрывающем устойчивое русское выражение: *Нет, ты уже не моряк... Так упрекнул тебя друзья за равнодушие к штурму соседней палаты. Но ты улыбнешься в ответ. Ты и не был им никогда – ты просто плыл всю жизнь в эту тихую гавань. Пенсионный фонд «Тихая гавань»* [11: 142]. Средства юмора не укладываются в рамки каламбура, они достаточно «линейны», развернуты, поэтому фраза легко поддается переводу: «不, 你已不再是海员.....朋友们在激烈地指责你对攻打邻居的冷漠。可你微笑作答。你也从未是海员–你仅仅是终生飘流在这静静的港湾。“静静的港湾” 养老基金会» [14: 148] (дословно: 'Нет, ты больше не моряк... Друзья яростно

обвиняют тебя в равнодушии к нападениям на соседей. Но ты отвечаешь с улыбкой. Ты никогда не был моряком – ты только плавал в этой тихой гавани всю жизнь. Пенсионный фонд «Тихая гавань»'). Метод перевода – замена.

Своеобразный пример – использование латинского выражения (вкупе со стилистикой слогана, названия), придающего «значительности» образу: *MEDIIS TEMPUSTATIBUS PLACIDUS. СПОКОЙНЫЙ СРЕДИ БУРЬ. ЛЕФОРТОВСКИЙ КОНДИТЕРСКИЙ КОМБИНАТ* [11: 27]. Первое русское выражение после латыни переводит иностранную фразу, последующее «раскрывает» юмор, снова выходящий за рамки собственно игры слов. Возникают сомнения в понимании китайцами культурного феномена «Лефортово» в России, кроме того, в значимости и знаковости для них латыни; тем не менее, перевод на китайский передает основную идею указанного выражения: «在风暴中静立 列福尔托沃糖果点心长» [14: 24] (дословно: 'Стой спокойно в бурю. Лефортово, Нижегородская область'). В данном случае используется метод замены.

Пример: *...работа была free lance - Татарский переводил это выражение как «свободный копейщик», имея в виду, прежде всего, свою оплату»* [11: 32], включает в себя как англицизм, так и выражение, обладающее свойством каламбура, поскольку оно основано на прямом значении иностранного слова и созвучии перевода этого значения с русским словом «копейка». Перевод собственно каламбуров, связанных с определенным звучанием слов, достаточно сложная задача: «他的工作是 free lance, 塔塔尔斯基将这个词译为“自由的长矛”, 他所指的首先是他的收入» [14: 30] (дословно: 'Его работой было свободное копье, которое Татарский переводил как «копье свободы», и он имел в виду, прежде всего, свой доход'). При переводе данного фрагмента с русского языка на китайский используется метод лексической замены.

Кроме того, в рассматриваемом романе В. Пелевина выделим следующий отрывок: *Последние строки, созданные им сразу после этого события, были навеяны песней группы «ДДТ» («Что такое осень – это листья...»)* и аллюзиями из позднего Достоевского. Кончалось стихотворение так:

Что такое вечность – это банька,

Вечность – это банька с пауками.

Если эту баньку

Позабудет Манька,

Что же будет с Родиной и с нами?» [11: 14].

В данном отрывке нет каламбуров, собственно игры слов, однако присутствуют исторически изменчивые и бытующие «в сознании носителей языка как «визитная карточка» эпохи» так называемые «социокультурные стереотипы» [17: 91]. Эти не очень понятные китайцам (кроме «баньки») российские культурные реалии, ассоциации (в частности, знаковая песня) обуславливают сложность перевода на китайский язык: «他紧接在这一事件之后写下最后几行诗, 颇有DDT乐队的歌曲风格 (“什么是秋天, 这就是落叶....”), 还借用了晚年陀思妥耶夫斯基的隐喻。该诗的结尾是这样的:

*什么是永恒, 就是澡堂,
永恒就是布满蛛网的澡堂。*

如果曼卡她

忘记了这间澡堂,

祖国和我们将会怎么样?» [15: 9].

(дословно: ‘Последние несколько стихотворных строк он написал сразу после этого события, вполне в стиле песни ДДТ («Что такое осень, это падающие листья...»’). Далее наблюдается заимствование метафоры из позднего Ф. Достоевского: *Что такое вечность – так это баня, /*

Вечность – это банька, полная паутины. / Если Манька, она... / Забудет об этой бане...»). Характерна замена пауков на паутину и «исчезновение» связи Маньки и Родины. В результате в принимающем языке мы наблюдаем не только отсутствие адекватной передачи игры слов, но и частичную потерю смысла данного фрагмента русскоязычного художественного текста.

Таким образом, когда особая семантика языковых единиц, создаваемая с помощью словесных средств, представляет собой каламбур, т.е. обыгрывает значения слов, схожее звучание слов и выражений, перевести это бывает весьма сложно, неизбежны смысловые, культурологические и «игровые» лакуны. Хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о непереводимости тех или иных «игровых» элементов каламбура, следует скрупулезно относиться к тексту оригинала, так как именно «умение китайских переводчиков в ряде случаев подыскивать соответствующие эквиваленты «лишний раз подтверждает мысль о “непереведенности”» [18: 64] этих компонентов. Это подтверждается анализом передачи игры слов при переводе романа В. Пелевина «Generation “П”» на китайский язык. Для реализации лингвопрагматического потенциала построенной по принципам интертекста языковой игры китайский переводчик прибегает к таким методам, как вольный перевод, добавление, лексическая замена. В результате исследования было выявлено, что игра и интертекстуальность как основные параметры постмодернистской эстетики затрудняют достижение эквивалентности при переводе русскоязычного художественного текста на китайский язык.

Примечания:

1. Тарасов А.Н. Роль постмодернизма в формировании современной художественной культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 181. С. 147-153.

2. Виноградов А.В., Салицкий А.И., Салицкая Е.А. Наука и техника в Китае: состоявшаяся модернизация // Вестник РАН. 2016. Т. 86, № 2. С. 152-160.

3. Карнеев А.Н. Некоторые аспекты современного этапа в развитии высшего образования в Китайской Народной Республике // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2017. Вып. 7. С. 42-51.
4. Болдарева Е.Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2002. 160 с.
5. Будник Е.А. Передача игры слов как переводческая проблема // Язык и культура. 2015. № 17. С. 96-101.
6. Гудий К.А. От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика // Филология и лингвистика в современном обществе: матер. междунар. науч. конф. Москва: Ваш полигр. партнер, 2012. С. 99-103.
7. Колосова П.А. Способы перевода игры слов в художественном тексте // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2014. № 2. С. 249-255.
8. Кулемина К.В. Основные виды переводческих трансформаций // Вестник АГТУ. 2007. № 5. С. 143-146.
9. Султанова Р.М. О некоторых особенностях стилистических приемов перевода // Вестник Таджик. национ. ун-та. Сер. филолог. наук. 2017. № 4-5. С. 120-124.
10. У Лижу. Передача русских каламбуров при переводе на китайский язык // Иностранные языки в высшей школе. 2013. № 4 (27). С. 95-96.
11. Пелевин В. Generation «П». Москва: Эксмо-Пресс, 2010. 290 с.
12. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. № 90. С. 169-171.
13. Иванов С.С. Игра слов и способы ее создания: смысловая и звуко-смысловая игра слов // Вестник Нижегород. ун-та им Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 227-237.
14. 维克托·佩莱文. 百事一代. 刘文飞译, 北京: 人民文学出版社 = Victor Pelevin. Generation «P» // Chinese translation by Liu Weifei. Beijing: People's Literature, 2001. 412 p.
15. Янь Мэйпин. Древнекитайская философия и концепт «путь» в сюжетной модели В. Пелевина // ART LOGOS. 2018. № 3 (5). С. 118-130.
16. 李君, 关宇. “百事”一代维克多·佩列文的可乐时代 // 边疆经济与文化 = Li Jun, Guan Yu. «Generation“P”»Pelevin's Times of CocaCola // The Border Economy and Culture. 2010. № 3 (75). P. 67-68.
17. Самарская Т.Б. Мартиросьян Е.Г. Перевод как объект теоретических исследований // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2018. Вып. 3 (222). С. 86-92.
18. Щичко В.Ф. Перевод с русского языка на китайский. Практический курс = 俄汉翻译使用教程. 2-е изд., испр. Москва: ВКН, 2016. 240 с.

References:

1. Tarasov A.N. The role of postmodernism in the formation of modern art culture // Proceedings of St. Petersburg State Institute of Culture. 2008. Vol. 181. P. 147-153.
2. Vinogradov A.V., Salitsky A.I., Salitskaya E.A. Science and technology in China: completed modernization // Bulletin of the RAS. 2016. Vol. 86, No. 2. P. 152-160.
3. Karneev A.N. Some aspects of the current stage in the development of higher education in the People's Republic of China // Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy. 2017. Iss. 7. P. 42-51.
4. Boldareva E.F. Language game as a form of expression of emotions: Diss. for the Cand. of Philology degree. Volgograd: VGPU, 2002. 160 pp.
5. Budnik E.A. Rendering of wordplay as a translation problem // Language and culture. 2015. No. 17. P. 96-101.
6. Gudiy K.A. From original to translation: problem of interaction between the author and the translator // Philology and linguistics in modern society: proceedings of the international scient. conf. Moscow: Vash poligr. partnyor, 2012. P. 99-103.

7. Kolosova P.A. Means of wordplay translation in a literary text // Vestnik of TvGU. Ser.: Philology. 2014. No. 2. P. 249-255.
8. Kulemina K.V. The main types of translation transformations // Vestnik of AGTU. 2007. No. 5. P. 143-146.
9. Sultanova R.M. On some features of stylistic methods of translation // Bulletin of the Tajik National University. Ser. of philological sciences. 2017. No. 4-5. P. 120-124.
10. Wu Liju. Translation of Russian puns into Chinese // Foreign languages in higher education. 2013. No. 4 (27). P. 95-96.
11. Pelevin V. Generation "P". Moscow: Eksmo-Press, 2010. 290 pp.
12. Tsikusheva I.V. The phenomenon of a language game as an object of linguistic research // Izvestia of RGPU named after A.I. Herzen. 2010. No. 90. P. 169-171.
13. Ivanov S.S. Wordplay and ways of its creation: semantic and sound-semantic wordplay // Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2009. No. 6 (2). P. 227-237.
14. Pelevin Victor. Generation "P" // Chinese translation by Liu Weifei. Beijing: People's Literature, 2001. 412 pp.
15. Yan Meiping. Philosophy of Ancient China and the concept of "way" in the plot model of V. Pelevin // ART LOGOS. 2018. No. 3 (5). P. 118-130.
16. Li Jun, Guan Yu. "Generation "P""Pelevin's Times of Coca-Cola // The Border Economy and Culture. 2010. No. 3 (75). P. 67-68.
17. Samarskaya T.B. Martirosyan E.G. Translation as an object of theoretical research // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2018. Iss. 3 (222). P. 86-92.
18. Shchichko V.F. Translation from Russian into Chinese. A practical course. 2nd ed., rev. Moscow: VKN, 2016. 240 pp.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 09.04.2021; одобрена после рецензирования 23.04.2021; принята к публикации 30.06.2021.

The paper was submitted 09.04.2021; approved after reviewing 23.04.2021; accepted for publication 30.06.2021.

© Ли Цзин, Т.Н. Бурукина, 2021